

Александр

Тамонников

**Прерванный полет
«Боинга-737»**

Проект «ЭЛЬБА»

Александр Тамоников

Прерванный полет «Боинга-737»

«ЭКСМО»

2015

Тамоников А. А.

Прерванный полет «Боинга-737» / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2015 — (Проект «ЭЛЬБА»)

Боевиками движения «Талибан» захвачен пакистанский «Боинг-737» с сотней пассажиров на борту. Террористы связываются с российскими властями и предлагают обменять авиалайнер на десять боевиков-талибов, которые отбывают срок на территории РФ. Несмотря на то, что среди пассажиров авиалайнера нет ни одного гражданина России, власти принимают предложение террористов. Однако подозревая, что талибы задумали какую-нибудь провокацию, руководители российских спецслужб решают отправить в Афганистан отряд специального назначения «Оса». Бойцам приказано на месте оценить обстановку и, по возможности, обезвредить террористов и освободить заложников...

© Тамоников А. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Прерванный полет «Боинга-737»

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Любое совпадение случайно и непреднамеренно.
От автора*

Глава первая

Встреча в Кандагаре

В живописной долине на юге Афганистана раскинулся древний город Кандагар, основанный еще при Александре Македонском и некогда носивший гордое звание столицы страны. Он довольно велик, многолюден и полон всевозможных исторических достопримечательностей, хотя прославился вовсе не ими, а кровопролитными боями, проходившими некогда в окрестностях, и своей причастностью к зловещему движению «Талибан». По существу, Кандагар когда-то был главным оплотом талибов, однако после вторжения войск Северного альянса они были вынуждены бежать, покинув такие священные для себя реликвии, как кусок плаща пророка Мухаммеда, хранящийся в особо почитаемой мусульманами мечети Да-Керка-Сариф-Зиарат. С тех пор в городе была учреждена штаб-квартира вооруженных сил НАТО, которые, если верить их заявлениям, обеспечивают безопасность в регионе.

Что ж, при самом первом, беглом и поверхностном взгляде Кандагар действительно превратился во вполне мирный город, где бойко торгуют шерстью, войлоком, хлопком, шелком и всякой всячиной. Часть разрушенных зданий восстановили, а для удобства пешеходов и автомобилистов снесли несколько древних извилистых улиц с саманными хижинами, заменив их прямыми проспектами и относительно зелеными скверами.

Однако западных туристов сюда не заманишь никакими коврижками. Не расхаживают они шумными толпами по прекраснейшей площади Чар-Сук, не фотографируют, восторгаясь, мавзолеей Мир-Маис-Баба, не любуются горными заснеженными пиками на горизонте, не поедают пахучие шашлыки с горячими, хрустящими лепешками, не дивятся тому, что на городских задворках беспрепятственно растут кусты конопли, похожие на раскидистые елочки. Виной тому не жара, которая летом превращает Кандагар в настоящее раскаленное пекло, где совершенно нечем дышать. И даже не свирепые пыльные бури, во время которых невозможно открыть рот или глаза без того, чтобы их тут же не запорошило песком. Причина кроется в том, что талибы бежали отсюда не так далеко, как казалось вначале. Прошло совсем немного времени после их разгрома, как они пришли в себя и начали потихоньку возвращаться, маскируясь под мирных жителей.

Одним из них был, например, Мохаммад Джамхад, прибывший в Кандагар 10 июня под видом владельца небольшой табачной фабрики в провинции. Смуглолицый, с правильными чертами и резкими морщинами, придававшими ему достоинство и суровость, с бородой, доходившей до уровня груди и полностью скрывавшей щеки, Джамхад мог бы сойти за аскета, если бы не слишком чувственные влажные губы, обладавшие куда большей выразительностью, чем глаза, неподвижные и матовые, как пара слив.

Доехав до нужного района, он велел таксисту остановиться, чтобы дальше пройти пешком. Всевышний указывает преданным правильный путь, но идти по нему следует с умом, не совершая неверных движений и не подвергая себя ненужной опасности. «Будьте предельно осторожны и бдительны», – призывает Священная Книга, и лишь глупец, безумец или неверный может игнорировать столь мудрое наставление.

Идя по улочке, криво поднимающейся в гору между бесконечных саманных дувалов, Джамхад обратил внимание, как много попадалось ему навстречу бесстыжих женщин без паранджи и бесчестных мужчин, лишивших себя бороды, отчего их лица выглядели непристойно голыми. Кроме того, пару раз его чуткий нос уловил характерный запах гашиша, витающий в воздухе столь же свободно, как аромат жарящихся лепешек, а из некоторых дверей и окон доносились звуки западной музыки, предназначенной для того, чтобы слушать ее в аду вместе с тамошними обитателями. Джамхад, так много сделавший для того, чтобы соотече-

ственники соблюдали заветы Пророка, почувствовал себя уязвленным и оскорбленным в лучших чувствах. Остановившись возле маленькой парикмахерской, чтобы проверить, не увязался ли за ним хвост, он сделал вид, что просто любит вид на раскинувшийся внизу Кандагар, а сам стал прислушиваться к разговору благообразного старца и юноши, который, по-видимому, являлся его внуком. Они как раз толковали про прежние времена, когда страной правили талибы.

– Мне девяносто лет, Вали, – говорил старик, постукивая посохом, – но за последние десять лет я увидел столько женских лиц, сколько не видел за всю предыдущую жизнь. Срам! Беспутство! И никто не преследует этих развратниц на улице, не провожает их свистом, не побивает камнями, как это было в старые добрые времена. Вот до чего мы дошли с вашими новыми порядками.

– Пойми, дед, – запальчиво воскликнул юнец, – прежние порядки устарели, они давно никуда не годились. Их насаждали талибы, чтобы подчинять остальных людей своей воле. А сами? Подлые лицемеры! Объявляли по радио, что выращивание опия запрещено, а сами занимались продажей наркотиков, выручая за них огромные деньги. Вы жили впроголодь, а они купались в роскоши, строили себе дворцы и покупали японские джипы. Это, по-твоему, порядок? Нет, дорогой дедушка, это безобразие!

У Джамхада просто руки чесались, так хотелось ему схватить этого безмозглого сопляка за тонкое горло и душить, душить, пока его болтливый язык не вывалится наружу и не поси- неет, не в силах произнести больше ни единого лживого слова. Вместо этого он заставил себя продолжить путь. Джамхад не имел права выдавать себя и свою принадлежность к движению «Талибан». Очень многое зависело от результатов его визита в Кандагар. Вся та большая геополитика, о которой любят болтать разные умники, не вылезаящие из телевизионных ящиков и полагающие, что управляют миром они. Однако истинным властелином здесь и во вселенной являлся всемогущий Аллах. И это он направлял стопы Джамхада в нужном направлении.

Осознание этого наполняло его гордостью и уверенностью в себе. В памяти одна за другой всплывали суры, соответствующие его состоянию. «Да не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах, наш Покровитель... Ибо если Аллах коснется тебя злом, то нет избавителя от этого, кроме Него. А если Он пожелает тебе добра, то нет способного удержать Его милость».

Губы Джамхада, беззвучно повторяющие эти слова, то и дело растягивались в самодвольной улыбке, тогда как глаза сохраняли прежнюю невыразительность. В них нельзя было уловить ни одного проблеска, ни одной искорки, даже когда, по идее, зрачки должны были отражать солнце. Это создавало довольно странный и немного пугающий эффект. Когда он смотрел на человека, тот старался не встречаться с ним взглядом. Правда, это случалось редко. Обычно Джамхад держал глаза опущенными, словно был погружен в молитву или богоугодные размышления. В общем и целом этот человек производил благоприятное впечатление.

Один раз его обогнал патрульный «Хаммер» с иноземными автоматчиками в зачехленных касках, но внешний вид Джамхада их не насторожил. Одет он был как обычный мирный афганец – никаких моджахедских шаровар или длинной холщовой рубахи навыпуск. Единственная дань традиции – светлый пакол на голове, защищающий голову от палящих лучей солнца. Остальное – коричневый, в белую полоску, костюм, тщательно наглаженная голубая рубаха и поскрипывающие плетеные туфли – вполне соответствовало облику преуспевающего бизнесмена. А если бы американцы и заподозрили что-то неладное, то было уже поздно, потому что, нырнув в проулок, Джамхад быстро поднялся по ступеням, толкнул тяжелую деревянную дверь и очутился в просторном дворе большого двухэтажного дома с длинной верандой, на которой сушились выстиранные женами хозяина ковры, простыни и покрывала.

Вода, оставшаяся на камнях после стирки, еще не успела высохнуть и дарила приятную прохладу, особенно ощутимую в тени трех раскидистых инжиров, заслоняющих двор

от жгучих лучей солнца. Прежде чем позвать хозяина или пройти дальше, Джамхад сбросил нагретый пиджак и развел руки в стороны, надеясь, что слабый ветерок высушит промокшую рубашу. Эта одежда неверных создавала раздражающие неудобства для мутлы Мохаммада Джамхада, который являлся одним из лидеров движения «Талибан».

Его биография была безупречной. Он родился неподалеку от Кандагара, в крохотной деревушке Хаке, с раннего детства обучался в медресе и зарекомендовал себя как истинный знаток ислама. Одна из его четырех жен была дочерью самого Черного Омара. Под командованием этого великого воина Джамхад штурмовал Кабул и Мазари-Шариф, а потом принимал участие в уничтожении гигантских статуй Будды в Бамиане. На его руках не высохла кровь врагов ислама: сначала русских солдат, потом владельцев маковых плантаций на севере Афганистана, наконец, американских агрессоров, нагло попиравших священную землю, по которой когда-то ходил сам Пророк. Впрочем, с американцами в последнее время отношения наладились, и необходимость устраивать джихад против Соединенных Штатов отпала. Оказалось, что главные недруги обитают все же в России.

Хозяин дома, выбежавший встречать дорогого гостя в своей лучшей каракулевой папахе, ненавидел русских ничуть не меньше. Звали его Халик Ардан. В домашнем халате и тапках на босу ногу он совсем не напоминал того грозного Халика-Орла, который четверть века назад воевал с советскими солдатами на своей земле. Однако, присмотревшись к его лицу, любой наблюдатель сразу понимал, что видит перед собой человека незаурядного, решительного, вспыльчивого, отважного. Очертания его носа напоминали кривой разбойничий кинжал, глаза поблескивали в тени сросшихся бровей, как постоянно тлеющие угольки, а длинные боковые клыки придавали ему что-то звериное, хищное. Ардан уже начал сесть, но кудри, падающие на его высокий загорелый лоб, все еще были смоляными и тугими, как пружины.

По происхождению он принадлежал к самому многочисленному племени афгани, как именуют их на Востоке, или пуштунов, как называют себя они сами. Что касается Ардана, то он ненавидел иноверцев почти столь же лютой ненавистью, как и русских. При этом нельзя не отдать должное таким чертам его характера, как смелость, гордость и свободолюбие, позволившие ему стать одним из самых уважаемых полевых командиров, под началом которого находилось до трех сотен боевиков. Был он также строгим, но любящим отцом, добрым мужем и надежным другом. Это каким-то образом сочеталось в характере Ардана со звериной жестокостью, проявляемой не только к врагам на полях сражений, но и к безоружным пленным.

В полной мере она проявилась осенью 1985-го, когда его банда атаковала разведзвод советского мотострелкового полка, отправленного командованием в Марайское ущелье.

За три дня до этого он со своими воинами сжег в ущелье целую колонну «КамАЗов», везших в Кандагар бензин, солярку и авиационный керосин. Топливозаправщиков было двадцать штук, в охране одна БРДМ – бронированная разведывательно-дозорная машина и две боевые машины пехоты. Боевики Ардана называли их «черепахами», а «наливники» – «зажигалками», потому что первые часто демонстрировали неповоротливость в горной местности, а вторые вспыхивали факелами от выстрелов гранатометов. В кузове последнего «КамАЗа» находилась зенитная установка «ЗУ-23-2», а замыкала колонну машина техпомощи, чтобы можно было кого-то отремонтировать или взять на буксир.

Короче говоря, все это хозяйство было взорвано в результате интенсивного гранатометного и минометного обстрела. В нападении участвовал старший сын Ардана, которого в ходе скоротечного боя сразила пуля советского пулеметчика, пробившая ему грудь навылет.

Предав сына земле, окаменевший от горя, Ардан не увел отряд подальше, чтобы переждать, пока русские вертолеты размолотят все живое в округе, а приказал людям прятаться в пещерах и каменных щелях. Здесь-то и попал в засаду разведзвод.

В ходе ожесточенного боя Ардан потерял половину своего отряда, но взвод был частично уничтожен, частично взят в плен. Когда пленников, избитых, истерзанных и окровавленных,

привезли в лагерь, он долго прохаживался перед ними, якобы задавая вопросы, а на самом деле наслаждаясь предвкушением близкой мести. Эти скоты посмели отнять у него сына! Его надежду и опору, его плоть и кровь. За это они заслуживали самой жестокой кары, Аллах тому свидетель.

Жители кишлака Батан собрались на площади, наблюдая за происходящим. Мальчишки то и дело подбегали к русским, плюясь и швыряясь огрызками кукурузы, а взрослые хранили недоброе молчание, ожидая развязки. Ардану не терпелось ускорить эту развязку, но, вспоминая, какую ужасную потерю он перенес, заставлял себя продолжать допрос. С местию нельзя торопиться. Она должна свершаться медленно и неотвратно, как все, что предназначено Аллахом.

Ардан выяснил, что командир взвода старший лейтенант с какой-то труднопроизносимой фамилией, недавно стал отцом, что сержант-пулеметчик ненавидит душманов и готов умереть за Родину и что трое солдат жалеют о том, что их послали в Афганистан, и очень хотят поскорее вернуться домой.

Допрос закончился, и по приказу Ардана со старшего лейтенанта стали сдирать кожу, ему посчастливилось скончаться на третьей минуте казни от болевого шока. Сержант сохранил достоинство и мужество, за что удостоился скупой похвалы Ардана. А потом его облили бензином и заживо сожгли.

Продemonстрировав солдатам казнь офицера и сержанта, Ардан велел поставить всех троих на колени, а сам вооружился ножом и зашел к ним за спину. Горла пленникам он резал легко, умело, даже играючи, как будто имел дело не с людьми, а с баранами. Впрочем, русские были для него значительно хуже баранов. Этих пятерых не похоронили, не бросили на съедение шакалам и стервятникам. По приказу Ардана останки пленников сложили в старые джутовые мешки и оставили на верхней дороге, по которой ездили русские. К ним прилагалась записка, состоявшая из одного-единственного арабского слова: КЫСАС, то есть «возмездие, наказание».

Ардан редко вспоминал ту давнюю войну, казненных русских, да и горе по убитому сыну давно притупилось, словно не было у него никогда стройного, быстрого, как джейран, Хурама, отрады отцовских очей и сердца. Были новые войны, были другие пленные, и трупы, и реки крови. Время текло вперед, а цели и взгляды Халика Ардана постепенно, но необратимо менялись вместе с этим временем и окружающим миром.

Единственное, что осталось в нем неизменным, – это ненависть к России и ее гражданам, посмеявшимся вторгнуться на его родину с оружием в руках. Вот отчего Ардан так обрадовался визиту Мохаммада Джамхада. Это означало, что «кысас» будет продолжаться. А иного смысла жизни он для себя не нашел и не знал.

– Рад видеть вас, уважаемый господин Джамхад, – воскликнул Ардан, сбегая по ступеням в тенистый двор. – Устали, наверное, с дороги? Хотели бы вы сначала отдохнуть в самой прохладной из моих комнат или же предпочитаете перекусить с дороги?

Сходясь с Джамхадом, Ардан гостеприимно улыбался, слегка разведя руки в стороны. Суровый с врагами, он был неизменно вежлив с соотечественниками, которых считал ровней себе или ставил выше. Для афганцев крайне важны хорошие манеры и правила поведения. Встречаясь с мужчинами, Ардан имел в запасе три варианта приветствия: поклон с последующим лобызанием руки, стандартное рукопожатие или объятия, сопровождающиеся взаимными поцелуями в щеки. Он решил ограничиться рукопожатием, чтобы не выглядеть подобострастным или фамильярным.

Задержав протянутую пятерню Ардана в своей, Джамхад слегка приобнял его и сказал:

– Прежде всего я хотел бы поговорить, дорогой мой. Разговор предстоит важный, крайне важный. Ты позвал Алима, как я просил?

– Да, уважаемый Джамхад. Мой племянник уже здесь. Ждет, когда ему выдастся случай поговорить с таким уважаемым человеком, как вы.

Губы Джамхада растянулись в улыбке:

– Тогда води меня к нему, побеседуем в узком кругу, а уж потом отведаем твоего плова, шиншалла.

Последнее слово означало: «если Богу будет угодно», «дай Бог». Мохаммад Джамхад никогда не пропускал случая лишний раз продемонстрировать свою набожность.

Обмениваясь на ходу восточными любезностями, мужчины поднялись по ступеням и вошли на веранду, увитую виноградом и затененную кронами деревьев так, что здесь было прохладно в самый знойный день. Худая собачонка, повиляв хвостом, убралась в темный угол и принялась там остервенело щелкать зубами, выискивая блох.

Двоюродный племянник Ардана Алим Карани почтительно поднялся с подстилки и так же почтительно поклонился гостю. Глаза у него были маслянистые, обрамленные густыми, почти девичьими ресницами. Нос тонкий, с воинственной горбинкой, брови вразлет. В отличие от старших мужчин он не носил бороды, ограничившись усами, которые наряду с крупными белыми зубами делали его похожим на известного солиста популярной западной рок-группы. Ардану было известно об этом сходстве, потому что большую часть жизни он провел не на родине, а в далеком американском городе Ньюарк, штат Нью-Джерси, где никто не запрещал ему слушать музыку группы и ее покойного солиста. Он превосходно владел английским языком и знал, как правильно вести себя на Западе, что и сделало его кандидатуру столь привлекательной для представителей Талибана.

Афганская эмиграция отличается от всех прочих тем, что началась она лишь в конце прошлого века, причем афганцы покидали родину не в погоне за «длинным долларом», а спасая свои жизни и жизни своих детей от ужасов войны. Почин был положен королевской семьей, сбежавшей в Европу после дворцового переворота 1975 года. За ней последовали аристократы, интеллигенция, духовенство и коммерсанты, а уж потом начался массовый исход, в результате которого население страны уменьшилось на пять миллионов человек.

Семейство Карани, относящееся к торговому сословию, осело сначала в Дании, а потом перебралось за океан, в Соединенные Штаты, где имелось несколько больших и сплоченных диаспор, всеми силами сохраняющих свою самобытность, нравы и обычаи.

Старшая сестра юного Алима Карани быстро прижилась в новых условиях, вышла замуж и стала исправно рожать детей, а сам он чувствовал себя неприкаянным на чужбине. Нужды он не испытывал, но его нравственные страдания были мучительнее голода или холода. Отданный в американский колледж мальчик столкнулся с непониманием сверстников. Они даже не знали, где точно находится Афганистан, не говоря уже о том, чтобы с пониманием относиться к трагедии тамошнего народа. Между тем Алим считал себя нравственно выше, чем бездуховные американцы, молящиеся лишь своему зеленому, как ящерица, доллару. Он исповедовал совсем другие, поистине духовные ценности, не хотел становиться бездушным и прагматичным.

Все это порождало бесконечное одиночество. Искренние улыбки Алима наталкивались на заученные белозубые оскалы соучеников, ни один из которых так и не стал ему другом или хотя бы добрым товарищем. Слишком разный менталитет, слишком разные духовные потребности, слишком разный опыт и привычки.

Закончив колледж с высокими баллами и безупречными рекомендациями, Алим без труда устроился менеджером в процветающую ньюаркскую компанию, поставляющую электронику в страны Среднего Востока. При вполне лояльном и даже дружелюбном к нему отношении сотрудников он по-прежнему чувствовал себя белой вороной. Так и не сумел адаптироваться к чужеродному окружению, продолжая упорно цепляться за свое прежнее мировоззрение, обычаи, привычки, стереотипы. Уж слишком поведение американцев расходилось

с принципами пуштунвала – неписаного закона чести и достоинства афганцев, передаваемого из поколения в поколение.

Закон этот предписывает мужчине самоотверженно любить и защищать родину, предоставлять убежище и защиту всем, независимо от веры и социального положения, оказывать гостеприимство каждому, включая смертельных врагов. В соответствии с предписаниями пуштунвала Алим был обязан всеми силами поддерживать свое национальное достоинство, почитать стариков и незамедлительно отвечать на обиду или оскорбление.

В Америке все это считалось анахронизмом, пережитками прошлого, какими-то первобытными замашками. Алим уже подумывал о возвращении, когда на свою беду влюбился.

Это произошло в самый трудный период его жизни. Известие о гибели семьи в автокатастрофе прозвучало как гром среди ясного неба. Мать, отец, сестра и младший брат – все они отправились в мир иной, оставив молодого человека совсем одного.

Пытаясь хоть как-то развеяться и отвлечься от тяжких дум, он однажды принял приглашение прийти на корпоративную вечеринку, где впервые разглядел Дину Митчелл. Нет, конечно, они и раньше сталкивались в офисе и даже обменивались порой ничего не значащими вежливыми фразами, однако до этой ночи Алим не присматривался к девушке, потому что считал, что она абсолютно не в его вкусе.

О, как он заблуждался!

Учитывая «восточную» специфику компании, вечеринка называлась «Тысяча и одна ночь», и молодые сотрудницы приняли участие в шуточном конкурсе танца живота. Дина, обряженная в черный парик и бордовый костюм с блестками, покорила неискушенное сердце Алима. Ему показалось, что он нашел наконец девушку своей мечты: темпераментную, огненно-страстную, но вместе с тем гордую и неприступную. Ах, как решительно шлепнула она по руке главного менеджера, попытавшегося грубо облапить ее после танца! Как гневно стрельнула подведенными глазами на мистера Такера, сделавшего ей недвусмысленный комплимент!

Алим понял, что этот вечер подарен ему провидением самого Аллаха. Переборов врожденную скромность, он улучил момент, чтобы подойти к «мисс Шахерезаде» и завести с ней вежливую беседу. К его удивлению и неописуемой радости, она не отделалась от него парой вежливых фраз и даже приняла предложение проводить ее домой. Более того, когда Алим начал прощаться, Дина Митчелл пригласила его подняться в свое жилище и выпить чего-нибудь.

Соблюдая заповеди Пророка, он отказался от спиртного, но принял из рук красавицы чашку кофе, сваренного совсем неплохо. Она же угостилась сначала джином с тоником, потом джином без тоника, а под конец и вовсе налила себе золотистого виски. Ей было весело. Она все еще упивалась своим триумфом на вечеринке и считала себя неотразимой. Оставив гостя на пару минут, Дина освежилась под душем и переоделась в рубашку, лихо завязанную узлом на животе, и короткие тесные шорты, подчеркивавшие линии стройных ног. Ловя на себе пылкие взгляды нового ухажера, она старалась покорить его не только броской внешностью, но и остроумием.

Рассказав несколько анекдотов, вычитанных в каком-то журнале, девушка впала в сентиментальность, стала жаловаться на непонимание окружающих и на одиночество. При этом она то и дело прижималась к гостю телом или доверительно брала его за руку, как будто они были давно и хорошо знакомы.

Неискушенный Алим принял ее пьяную развязность за проявление ответных чувств и, потеряв голову, заключил американку в объятия. Дина не сопротивлялась, принимая его беспорядочные ласки с довольным хихиканьем, однако, когда он попытался поцеловать ее в губы, брезгливо толкнула его в грудь.

– Ты что? – удивился он. – Я же тебя люблю!

– Неужели? – прищурилась Дина.

– Конечно! Я никогда в жизни не встречал такой замечательной девушки.

Сделав это признание, Алим сделал еще одну попытку добраться до обольстительных губ девушки. В ответ она наградила его хлесткой пощечиной.

– Ты глупая, – сказал он, держась за горящую щеку. – Я же к тебе со всем сердцем, а ты... У меня на родине не принято распускать руки. Если девушка пригласила парня в гости, это означает, что ему позволено все.

– Ты не у себя на родине, – отрезала Дина. – Ты находишься в Америке, так что будь добр вести себя прилично. Здесь не место дикарям.

– Я не дикарь, – возразил Алим. – Наши обычаи во многом правильнее ваших. Когда девушка одевается подобным образом, – выразительно посмотрел он на голые ноги американки, – значит, она готова отдаться своему избраннику.

– Ты? – истерично рассмеялась она. – Мой избранник? Да что ты себе возомнил, эмигрант паршивый!

Попытки Алима обнять ее и успокоить вызвали еще большую ярость Дины. Как это часто случается с женщинами, ее хмельная бравада мгновенно сменилась агрессивностью: не выбирая выражений, она закричала на него, обзывая вонючим азиатским ишаком, безмозглым йети и похотливым павианом и утверждая, что Алим силой проник в квартиру и грубо домогался ее, о чем она обязательно заявит в полицию. Говорила, что он пьян, хотя Алим не сделал ни глотка спиртного. А под конец призналась, что презирала и презирает его, потому что афганцы для нее не люди, а что-то вроде горных обезьян, кое-как овладевших человеческой речью.

– Зачем же ты привела меня сюда? – глухо спросил он, кусая усы.

– Чтобы полюбоваться на тупого дикаря, вообразившего, что я ему ровня. Я скорее черномазому отдамся, урод! От тебя потом разит за три мили!

Это было уж слишком! Не помня себя от гнева, Алим схватил Дину за тонкую белую шею и сдавил изо всех сил, чтобы прекратить поток грязных, несправедливых оскорблений. Ему казалось, что это длится совсем недолго, считанные секунды, и он опомнился, лишь когда увидел, что глаза американки вылезли из орбит, а побагровевшее лицо исказилось в предсмертной гримасе.

Спохватившись, Алим разжал пальцы, но было поздно. Дина повалилась на пол, как тук с тряпьем, и не подавала признаков жизни, сколько он над ней ни бился. Пульса не было, на зеркале, поднесенном к губам, не осталось туманной дымки, обнажившаяся грудь застыла, как будто слепленная из гипса.

Алим весь взмок, представив, что будет с ним, если его застанут в законном жилище американки с очевидными признаками насильственной смерти. Его ожидало или пожизненное заключение, или электрический стул, или газовая камера – в зависимости от того, какое наказание за убийство предусмотрено в штате Нью-Джерси. И попробуй потом доказать предвзятым присяжным, что Алим действовал в состоянии аффекта, а не из корыстных побуждений. Его обвинят в попытке ограбления или даже изнасилования, а бессовестная Дина Митчелл предстанет в полицейских протоколах невинной жертвой распоясавшегося афганца. Кто вступится за несчастного бесправного эмигранта? Как будет он смотреть в глаза людям, которые ничего не узнают об истинной подоплеке случившегося?

А если Алиму и позволят дать соответствующие показания в суде, то разве будет принято во внимание то обстоятельство, что женщина не имеет права оскорблять мужчину, обзывая его шакалом и павианом? В Америке никто не знает предписаний пуштунвала. Здешним жителям не втолкуешь, что существует такое понятие, как бадал хистах – компенсация за нанесенную обиду. Настоящий афганец никогда не забывает и не прощает обиды. Время отмщения не имеет значения. Поговорка гласит, что если человек поквитается с обидчиком через сто лет, то и в этом случае он проявит торопливость.

Представив себе физиономии присяжных, выслушивающих эту поговорку, Алим встал, проверил, не обронил ли чего, не забыл ли, переступил через труп американки и решительно направился к двери. Два с половиной часа спустя, даже не зайдя домой за вещами, он летел в самолете, следующем рейсом в Пакистан, оттуда перебрался на родину и некоторое время не знал, чем заняться, пока его не отыскал дядя Ардан, предложивший работу и деньги.

Узнав в общих чертах, что от него требуется, молодой человек согласился, не колеблясь ни минуты. Он много времени провел в так называемом цивилизованном мире, знал ему цену и желал принять посильное участие в разгроме этого оплота разврата, высокомерия и ханжества. Для Ардана не имело значения, как называется та или иная страна, являющаяся частью этого пресловутого Запада. Все они одинаковы: Америка, Канада, Дания, Франция, Россия. Для всех них афганцы были говорящими горными обезьянами, как бы они ни скрывали это за фасадом толерантности и гуманизма.

И теперь, найдя свое место в жизни, молодой Алим Кармани чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Прежде чем приступить к важному разговору, мужчины, как водится, беседовали о том о сем, задавали друг другу вежливые вопросы, получали такие же вежливые, но малозначительные ответы. Общаясь, они поедали восхитительно холодный, вытасченный из колодца арбуз, ярко-красные ломти которого таяли прямо на глазах.

Вокруг вились дикие черные пчелы, оглашая воздух нервным гудением. Время от времени Халик Ардан взмахивал своим длинным, чуть изогнутым ножом, и тогда на пол падал очередной пчелиный трупик, разрубленный пополам. Это получалось у него неподражательно ловко и так естественно, словно он всю жизнь занимался тем, что уничтожал насекомых ножом.

Настроение у Ардана было приподнятое. Он гордился честью, оказанной ему самим Джемхадом, снизошедшим до того, чтобы посетить его жилище. Дом Ардана, сложенный из тщательно подогнанного сырцового кирпича, был достаточно велик, чтобы вместить жен, нескольких родственников и гостей. Однако их не было видно и слышно. Ведь гостей Ардан принимал на мужской половине, куда женщины входили только по хозяйскому зову, прикрывая нижнюю половину лица платками.

Веранда, как и внутренние покои, была щедро устлана коврами, ковриками и ковровыми дорожками, являющимися главным украшением афганских жилищ. Мебель, виднеющаяся в дверном проеме, выглядела по европейским меркам убого: продавленный восточный диван, медный светильник на стене. Но Ардан считал себя не бедняком, а, наоборот, весьма состоятельным человеком. Чтобы подчеркнуть это, он всякий раз призывал обслуживать гостей новую жену. Вот и сейчас, когда арбуз был съеден, Ардан хлопнул в липкие ладоши и гортанно прокричал:

– Балуца! Чаю!

Ему нравилось оказывать гостеприимство, нравилось принимать гостей на лучшем ковре, нравилось потчевать их, стараясь предвосхитить желание каждого. В свою очередь Джемхад и Алим не забывали похвалить любую мелочь, поблагодарить за воду, поданную для мытья рук, за полотенце, за отрезанный ломоть арбуза. Таковы были правила хорошего тона, и если бы хозяину дома вздумалось скормить гостям не два арбуза, а двадцать, они не сочли бы возможным отказаться. С другой стороны, если бы один из них похвалил любой предмет утвари или хотя бы нож в руке Ардана, тот немедленно предложил бы принять эту вещь в подарок.

– Благодарю, брат, – произнес Джемхад, вытирая полотенцем промокшую бороду, – арбуз был очень вкусный, давно не ел такого.

– Самый вкусный из всех, которые мне доводилось пробовать, – поддакнул Алим, водя языком по усам, как сытый кот.

Подобно дяде, он находился в приподнятом настроении и радовался, что можно носить ту одежду, которая ему нравится и удобна, – широкие шаровары, рубаху навывпуск с суконной безрукавкой поверх нее, расшитую тюбетейку, обмотанную чалмой. Ему также было приятно видеть вокруг себя не безвкусно накрашенных американок с голыми животами и ногами, а соотечественниц, блюдущих скромность и достоинство.

Балуца, принеся поднос со всем необходимым для чаепития, явилась в голубых атласных шароварах, пришитых к носкам, темном платье и клетчатом платке, оставлявшем на виду лишь выпуклые и влажные, как у лани, глаза, ресницы были опущены. Она никогда не позволила бы себе назвать Алима ишаком или павианом.

– Спасибо, ханум, – сказал он, принимая из рук Балуцы пиалу с дымящимся зеленым чаем, источавшим терпкий, насыщенный аромат.

– Будьте здоровы, – поклонилась она и ускользнула, бесшумная, как тень.

– В следующем году хочу еще одну хорошую женщину в наложницы взять, – поделился с гостями Ардан мыслями, все чаще посещавшими его в минуты праздности и безделья. – Средства позволяют. Остановил выбор на турчанке. Немного хромая, но проворная и ласковая. Будет хорошей матерью моим детям, да и мне немало радости доставит. С другой стороны, турчанка. Брать или не брать?

– Почему не взять, – степенно произнес Джамхад, – если достаток есть, если денег хватает. Знаешь, брат, я думаю, что ты сможешь завести не одну, а сразу несколько наложниц. Турчанок, русских, даже американок, если пожелаешь. Целый гарем заведешь. Потому что денег у тебя скоро будет больше, чем инжира на деревьях в твоём саду.

Такое вступление означало, что главный гость решил наконец перейти к делу, и слушатели уселись поудобнее, обратившись в слух, чтобы не пропустить не только ни единого слова из сказанного, но и уловить все нюансы и интонации, которыми так богата речь восточных мужей.

– Это было бы хорошо, – рассудительно проговорил Ардан, осторожно окунув губы в горячий чай. – Но откуда они возьмутся, лишние деньги? – хитро прищурил он один глаз. – Они ведь, в отличие от инжира, не растут на садовых ветвях.

Алим хихикнул, но на него не обратили внимания.

– Да, брат, ты это правильно заметил, – согласился Джамхад, беря в щепоть халву, сочащуюся сладким соком. – Деньги не растут на деревьях. Мужчины их зарабатывают, иногда даже с риском для жизни. Такой способ придумал для нас Аллах.

– Мы готовы на все, только скажите как, уважаемый господин Джамхад, – выпалил Алим, нарушая тем самым неписаное правило никогда не торопить собеседника.

Старшие мужчины покосились на него с неодобрением.

– Разве в Америке тебя не научили, как зарабатывать деньги? – спросил Джамхад с сарказмом. – Ты оттуда не миллионером вернулся, да? Не разбогател на чужбине?

– Американцы предпочитают забирать все себе, – виновато потупившись, ответил Алим. – Нас они за людей не считают. К большому бизнесу на пушечный выстрел не подпускают. Смотрят свысока, сторонятся как прокаженных. Обзывают разными нехорошими словами.

Ему живо вспомнились обидные слова Дины, и выбритые щеки его покрылись румянцем, а усы задергались, словно их тянули за невидимые ниточки.

– Все они такие, неверные, – решил вступить за племянника Ардан. – Красиво говорят, а поступают коварно и подло. Сердца их лживы, а к рукам их липнет все золото, которое только есть на земле. – Он удрученно покачал головой. – Когда-то я думал, что наши главные враги – русские. Потом воевал с американцами и англичанами. А теперь понимаю: все они одинаковы. Все наши враги.

– Ты правильно понимаешь, – кивнул Джамхад. – Но победить всех одновременно не может даже такой отважный народ, как наш. Поэтому следует бить врагов поодиночке. Заключать временные союзы с одними, потом с другими. И наносить удары по тем, кто этого не ожидает.

– Это очень мудро, уважаемый Джамхад, – кивнул Ардан. – Так мы перебьем их всех, они даже опомниться не успеют. С одними мир, с другими война, потом наоборот. Но... – Ему хотелось спросить про деньги, но он сдержался, задав совсем другой вопрос: – Но чем можем быть полезны я и мой племянник?

– Есть план, – сказал Джамхад, наблюдая, как Алим наполняет его пиалу свежим чаем. – Его, несомненно, подсказал сам Аллах, потому что план этот безупречен. И если мы, верные слуги Всевышнего, сумеем осуществить его великий замысел, мы будем вознаграждены по заслугам. Не только деньгами, но и почетными местами в саду райских наслаждений.

Алим на мгновение зажмурился, представив себя в окружении прекрасных гурий, готовых подчиниться малейшему мановению его пальцев. Гурии были покорны, нежны и обольстительны. Ни одна из них не позволила бы бросить на своего мужчину косой взгляд или задеть его достоинство обидными речами.

– Такие слова звучат сладчайшей музыкой в наших ушах, – заверил высокого гостя Ардан, стараясь не проявлять признаков нетерпения.

– Так слушайте же, – заговорил Джамхад, шумно прихлебывая чай. – Есть далеко на востоке большой город Джабур. Оттуда каждый день летают самолеты во все концы света. Один из них осуществляет рейсы в Исламабад. Вот он-то нам и нужен.

– Мы должны его захватить? – спросил Алим.

В его голосе прозвучала неподдельная тревога. Он отлично знал, что после сентября 2001 года воздушное пиратство сделалось практически невозможным. То, что довелось ему увидеть в разных аэропортах мира, не внушало оптимизма. Повсюду рамки металлоискателей, лазерные и рентгеновские установки, специально обученные собаки, дюжие охранники, камеры слежения и досмотры, досмотры, досмотры...

Разве можно перехитрить спецслужбы мира, превратившие аэропорты в неприступные крепости?

Алим поделился своими сомнениями со старшими. Джамхад покровительственно похлопал его по плечу:

– Успокойся, мой юный друг, я не зря сказал, что замысел пришел свыше. Все предусмотрено. Самолет с пассажирами может быть захвачен и будет захвачен. От вас требуется лишь одно: четкое и беспрекословное выполнение всех приказов. Подробности вы узнаете несколько позже. Сейчас мне нужно только ваше согласие, чтобы я доложил об этом тем, кто меня послал. У нас очень мощная и многочисленная организация, можете быть уверены. Но если у вас есть хоть тень сомнения...

Повисшая пауза длилась недолго.

– Я согласен, – решительно произнес Ардан, хорошо осведомленный о том, какие грозные силы стоят за Талибаном.

– Я тоже, – быстро кивнул Алим.

– Рад слышать, – сказал Джамхад, распрямляя похрустывающие ноги и готовясь встать. – Наша следующая встреча состоится очень скоро. А пока могу сказать, что пятеро наших людей уже ждут сигнала в Джабуре. Это очень отважные и достойные люди. Среди них одна женщина, которая стоит десяти неверных мужчин. Теперь есть вы, – улыбнулся он Алиму, помогавшему ему подняться на ноги. – Поздравляю вас с принятием правильного решения. Вы в команде.

Джамхад счел лишним упоминать о том, что, если бы старый полевой командир и его племянник ответили отказом, обоим было не суждено увидеть завтрашний рассвет. Есть вещи, которые совсем не обязательно произносить вслух.

Недаром же у мусульман сдержанность считается одним из самых похвальных человеческих качеств. Сказано ведь: «Молчание – золото». Посланник Аллаха, мир ему и всеобщее благословение, повелевал людям придерживать языки и молчать, если из уст их не исходит благая речь.

Глава вторая

Джабурская пятерка

Порывы ветра надували растяжки над магистралями, как разноцветные паруса. Пепельные тучи, пролившиеся над Джабуром обильным муссоном, уплывали на юг, куда-то в сторону Индонезии. Еще час назад казалось, что город будет затоплен сплошными потоками воды, обрушившимися с небес, но сквозь сизую завесу на горизонте проглядывали мягкие лучи заката. Черный столб смерча, грозивший ворваться в гавань, прошел мимо и рассеялся как дым. Правда, воздух все еще оставался душным и таким разреженным, что приходилось дышать раза в полтора чаще, чем обычно.

Двое черноволосых мужчин в белых рубашках приблизились к краю тротуара, выискивая такси. Они только что вышли из маленького китайского ресторанчика. Его синие тенты с желтыми драконами лепились к бетонной громаде небоскреба и производили странное впечатление. Вход, украшенный декоративной крышей на манер пагоды, подражал древнему архитектурному стилю, тогда как здание было вызывающе современным, как те, что росли как грибы в Сингапуре, Джакарте или Гонконге.

Мужчины, одновременно взмахнувшие руками при виде желтого такси, обливались потом, их рубашки облепили жилистые торсы, хотя оба ни секунды не провели под дождем. Выросшие в горах, они никак не могли приспособиться к липкой, удушливой атмосфере Джабура. Изобилие стекла и бетона, крикливые толпы и чад из сотен тысяч выхлопных труб угнетали их, привыкших к жаркому, но сухому и кристально чистому воздуху, к благодной тишине, к строгим очертаниям ландшафта. Мужчины выглядели вялыми и подавленными.

Забравшись на заднее сиденье такси, они объяснили, куда ехать, на столь скверном английском языке, что водитель-тайланец в сравнении с ними изъяснялся чуть ли не как диктор Би-би-си.

– О'кей, – сказал он. – Моя знать район Тонга. Шарон-вэй, пять миль, пятьдесят доллар. – И для наглядности растопырил пальцы на одной руке, а с помощью второй изобразил ноль.

Мужчины переглянулись. Тот, который был чуть постарше и звался Бабуром, покачал головой.

– Тридцать, – возразил он и тоже выбросил соответствующее количество пальцев, опасаясь, что его не поймут.

Несмотря на усталость, Бабур казался очень сильным и выносливым. Одна бровь у него была рассечена розовым шрамом и приподнята, словно выражая удивление, которого он на самом деле не испытывал. Его крупный мясистый нос был чуть свернут набок. Спорить с ним не хотелось, и все же таксист не мог уступить так сразу.

– Пятьдесят, – повторил он.

– Тридцать, – гнул свое Бабур.

Его спутник, Махмуд, молча наблюдал за ожесточенным торгом. Покидая родину, он сбрил бороду и давно привык обходиться без нее, но иногда машинально проводил кончиками пальцев по подбородку и скулам, как будто ожидал нащупать там густую растительность. У него был очень широкий рот, перечеркивающий лицо прямой бесцветной линией. Губы то втягивались внутрь, то выпячивались наружу, оставаясь при этом абсолютно сухими. Он сидел молча и неподвижно, пока спорщики не сошлись на сорока баксах.

– Деньги давать сейчас, – заявил таксист, протянув раскрытую ладонь.

– Нет, – резко ответил Бабур.

Махмуд толкнул его в бок локтем. Помедлив, Бабур достал из кармана бумажник, отсчитал требуемую сумму и передал ее таксисту.

– Итс вэри гуд, – обрадовался тот и нажал педаль газа.

Тронувшись с места, желтый автомобиль едва не чиркнул боком о рывкнувший автобус высотой с двухэтажный дом, вильнул и влился в пестрый автомобильный поток.

Смеркалось. Многие включили фары, загорелись рекламные огни. Такси покинуло шумную магистраль и свернуло на улочку, состоящую из сплошных лавчонок и закусовых. Кое-где столики с посетителями стояли прямо на проезжей части. Разминаясь с автомобилями, моторики то и дело выскакивали на тротуары, вспугивая пешеходов, как воробьиные стаи.

Отсюда такси выскочило на пустырь, на котором высились руины снесенных домов и гигантские оранжевые грейдеры, обогнуло его по широкой дуге, повиляло по зигзагообразным проулкам и затормозило на пяточке, откуда открывался вид на гавань, усеянную светлячками корабельных огней. Слева и справа, призрачно белея среди роскошной зелени, высились ухоженные особняки, построенные в английском колониальном стиле.

– Шарон-вэй туда и туда, – показал таксист обеими руками поочередно. – Какая вы сто-рона?

– Мы выходить здесь, – буркнул Бабур, все еще недовольный тем, что ему пришлось выложить такую кучу денег за путь, который он легко проделал бы пешком.

Они с Махмудом вышли, громко хлопнув дверцами, и уставились на темную громаду моря, дожидаясь, пока такси уедет. Как только оно скрылось за поворотом, Бабур позвонил по мобилнику и долго что-то выяснял, говоря на афгани. Закончив разговор, он кивнул влево:

– Пойдем. Нам туда.

Они молча зашагали по булыжной мостовой, плавно спускающейся в сторону бухты. Это был район частных вилл, возле которых стояли солидные автомобили темных расцветок. Остро пахло тропическими цветами. Слева доносились приглушенные аккорды рояля, а справа звучал тягучий ситар, и эта музыкальная мешанина как нельзя лучше служила фоном для пейзажа, в котором Восток соединился воедино с Западом.

Отсчитав пять домов, Бабур отыскал щель между двумя оградами, скрытую от посторонних взоров кустами и вьющимися лианами. По-видимому, когда-то здешние соседи не ладили между собой и не смогли решить, какой должна быть разделительная ограда и кому сколько за нее платить. Теперь это давнее разногласие сыграло на руку пришельцам.

Стена была обвита ржавой колючей проволокой, крепящейся на таких же ржавых Г-образных контейнерах. Высота ее составляла не менее трех метров. Поразмыслив, Бабур стал карабкаться по шершавому стволу пальмы. Подошвы его туфель скользили по коре, так что прошло не менее пяти минут, прежде чем он сумел заглянуть за ограду. Там, полускрытый темной массой деревьев, виднелся дом с двумя светящимися окнами на первом этаже. Чуть дальше высился какой-то ангар или гараж, оттуда не проникало ни лучика света. Белые цветы на черных кустах походили издали на необыкновенно крупные звезды.

– Порядок, – прошипел Бабур. – Темно и тихо.

– Сумеешь перебраться? – задрав голову, спросил снизу Махмуд.

– Я с детства по горам лазил.

Изловчившись, Бабур поставил вытянутую ногу на каменную кладку. Размашистый шпегат привел к тому, что шов на его брюках разошелся с отчетливым треском, и Махмуд непроизвольно прыснул.

Сверкнув на него глазами, Бабур переступил на стену и тихо выругался, отдирая железные колючки от штанины. Резкий крик ночной птицы, неожиданно прозвучавший в сыром неподвижном воздухе, заставил его покачнуться. Уже теряя равновесие, он прыгнул в сад за оградой и исчез из виду.

– Эй! – окликнул Махмуд, веселость которого как рукой сняло. Снова крикнула птица. Резко и злое, словно пророча беду. Он огляделся по сторонам и снова позвал: – Эй, ты как? Не разбился?

– Все нормально, – донесся из-за ограды голос товарища. – Земля рыхлая и мягкая, у нас такой сроду не бывало. Давай за мной. Быстрее, брат!

Махмуд решил не рисковать новенькими брюками, купленными только этим утром в лавчонке с красивым названием «Ориент джентльмен». Пройдя чуть дальше вдоль стены, он нашел выбоину в кладке, подпрыгнул и, зацепившись, сумел подтянуться настолько, чтобы ухватиться за распорку для колючей проволоки. Дальше было проще простого. Пару секунд спустя он стоял на гребне ограды, неудобно раскорячившись, чтобы не соприкасаться с коварной проволокой.

– Давай-давай, – помахал снизу Бабур.

Лучше бы он этого не делал. Махмуд прыгнул раньше, чем успел как следует рассчитать свои движения. Когда он переносил ногу через препятствие, железный шип впился в штанину. Его развернуло параллельно земле, он инстинктивно дернул ногой, освободился, но упал с трехметровой высоты на четвереньки.

– Эй, ты как? – спросил подбежавший Бабур, трогая его за плечо.

– Зачем торопил? – выругавшись, сердито упрекнул товарища Махмуд. – Посмотри теперь на мою рубашку! Вся грязная, как будто я из земляной норы вылез. А штаны? – Он сел, вытянул перед собой ногу и досадливо поцокал языком, обнаружив болтающийся клочок ткани. – Я отдал за них двенадцать долларов. Кто мне купит новые? Может быть, ты?

– Рахима зашьет, – не слишком уверенно сказал Бабур.

– Рахима! – прошипел Махмуд. – Она только и знает, что паять на Карими. Глаз с него не сводит. Да и он ее дальше вытянутой руки никуда не отпускает. Думаешь, он позволит ей зашить мне штаны, а?

– Ладно, придумаем что-нибудь, – пробормотал в ответ Бабур.

– Так придумай! Попробуй!

Махмуд попытался соединить обрывки ткани, что у него, конечно же, не получилось. Он снова выругался.

Бабур нахмурился, потом его лицо просветлело.

– Там, – указал он на виллу, – найдется пять, а то и десять штанов. Хозяин богатый человек, раз живет один в таком большом доме. И штаны ему больше не понадобятся. Только саван. – И сам рассмеялся своей шутке, сделав это по возможности тихо.

– А если он толстый? – бурчал Махмуд, пока они пробирались сквозь сад, подныривая под ветки и обминая разросшиеся кусты, роняющие на мокрую траву белые лепестки и целые бутоны. – Или коротышка? Тебе хорошо, у тебя дырка не видна, можно так ходить, никто не заметит. А я? Люди будут принимать меня за босяка.

Бабур остановился и повернулся к нему:

– Хватит ныть! Очень скоро ты сможешь купить столько новых штанов, сколько пожелаешь. И не только штанов. Все будет. Все, что душа пожелает.

Напарник мечтательно улыбнулся. Его душа желала многого, очень многого. Большой мир, открывшийся ему сравнительно недавно, он воспринимал как голодный человек, попавший в дорогой супермаркет, где так и хочется набрать всего сразу.

Махмуд осиротел в двенадцатилетнем возрасте, когда оползень, вызванный проливными дождями, похоронил под собой родной кишлак. Все верхние дома исчезли с лица земли вместе с людьми, которые там находились. Услышав грохот, он бросил стадо овец и побежал обратно, но было поздно. Грязи навалило столько, что ни он, ни другие не сумели докопаться даже до крыш. А от второго обвала мальчика спасла необходимость идти искать разбежавшуюся отару. Поскольку два десятка чужих овец пропали без вести, пришлось спасаться бегством. Добравшись до перевала, задыхающийся и заплаканный, он услышал тяжелый гул, почувствовал, как вздрогнули камни под ногами, а позже узнал, что ни хозяина отары, ни кого-либо

из бывших родичей и соседей в живых не осталось. Возвращаться, даже если бы Махмуд захотел, было некуда.

Какое-то время он скитался, подворовывал, нищенствовал, а потом решил зарабатывать на пропитание с оружием в руках. Деревенский пастушок стал боевиком естественно и незаметно, как древесная почка превращается в зеленый листок. На его пальцах появились несмыслимые пятна от порохового нагара, на правом плече образовался рубец, натертый ремнем автомата.

Биография его старшего товарища была такой же лаконичной и драматической, хотя Бабур Субундар и слов-то таких не знал. Свой первый опыт войны он приобрел в семимесячном возрасте, когда в его дом в провинции Газни попала бомба, осколок которой порезал ему шею, но, слава Аллаху, не зацепил артерию. Второе ранение Бабур получил ровно десять лет спустя, когда работал на заправочной станции, подвергшейся ракетному обстрелу. Чудом выжив, он, подобно Махмуду, решил, что стрелять самому лучше, чем когда стреляют в тебя. В четырнадцать лет Бабур принял свое боевое крещение. С тех пор война сделалась для него такой же привычной и будничной, как для других мирная жизнь. Включение в особую группу, действующую за пределами нищего Афганистана, было для него фантастической удачей. Он был готов на все, лишь бы не возвращаться обратно. И от успеха сегодняшней операции зависела его дальнейшая судьба.

Идя первым, он пересек густой, как подлесок, сад и осторожно приблизился к длинному окну, занимавшему почти весь фасад. В освещенной комнате находился лысый мужчина в красной майке и белых шортах. Сидя на диване, он смотрел телевизор, подвешенный на стене. Картинки на экране чередовались, являя взору то бесстыжих поп-певичек, то строгих дикторов, то африканских хищников или футболистов, беззвучно носящихся по зеленому полю. Одной рукой лысый мужчина щелкал пультом, а другой периодически подносил к губам жестянку с пивом или каким-то другим напитком. Лица мужчины Бабур разглядеть из своего укрытия не мог, да и не особо нуждался в этом. Он видел перед собой покойника, который, не подозревая, что дни его сочтены, коротал время перед телеэкраном. Это было забавно. На что только тратят люди свою жизнь, дарованную им Аллахом.

Бабур вздрогнул, когда Махмуд тронул его за плечо и вопросительно поднял брови. «Что будем делать?» – безмолвно спрашивал он. Бабур показал глазами на дверь: проверь, мол, заперта ли. Махмуд кивнул и, пригибаясь, взбежал на крыльцо, умудряясь не произвести при этом ни единого звука.

Задачей боевиков было убить хозяина дома, чтобы обосноваться их группе, пока они находятся в Джабуре. Остановившись впятером в отеле или хостеле, они рисковали привлечь к себе внимание, а жить порознь было неудобно, поскольку отряд только тогда отряд, когда его бойцы вместе.

На эту уединенную виллу Махмуда и Бабура вывел командир, который получил наводку от тех, кто руководил операцией в целом. Непосредственных исполнителей совершенно не интересовало, кто эти люди и что они решат дальше. Для Махмуда и Бабура существовали только разрозненные, последовательные этапы – звенья некоей цепи, оба конца которой были покрыты мраком. Общий замысел их не касался, они всего лишь солдаты, не обсуждающие приказы начальства. В данном случае им предстояли штурм и ликвидация противника. Довольно простая задача для мужчин, державших оружие в руках с раннего детства.

Стоящий у двери Махмуд медленно повел головой из стороны в сторону. Это означало, что дверь заперта. Разумная предосторожность со стороны хозяина. Но слишком незначительная, чтобы остановить двух сильных, отчаянных, бесстрашных убийц.

Передвигаясь на корточках, Бабур поднял голову, осматривая фасад дома. Он понятия не имел, что такое колониальный стиль, но видел колонны, подпирающие навес над крыльцом, и балкон, протянувшийся выше. По случаю жары дверь балкона была распахнута.

– Наверх, – показывая туда пальцем, прошептал Бабур, и голос его был подобен шороху листвы, которую лениво теребил ночной ветер.

Махмуд кивнул, достал из-под рубахи нож, стиснул его зубами и, легко вспрыгнув на перила, стал карабкаться по колонне вверх. Ни с первого, ни со второго раза у него это не получилось. Взявшись на метр-полтора, он снова и снова соскальзывал на перила.

Мысленно обозвав его неуклюжим болваном, Бабур снова подобрался к окну и осторожно заглянул в комнату. Мужчина продолжал сидеть на прежнем месте, словно замороженный мельтешением телевизионных образов. Опустошив банку, он стиснул ее в кулаке и небрежно бросил на стол. Затем отложил пульт и поднялся. Его рот раскрылся в протяжном зевке. Похоже, он собирался отправиться спать.

Бабур посмотрел вверх – хвала Аллаху, напарник преодолел препятствие. Какое-то время были видны его болтающиеся в воздухе ноги, а потом и они исчезли из поля зрения. Теперь все зависело от того, кто первым окажется в спальне. Если это будет хозяин дома, то он может поднять шум или даже схватиться за огнестрельное оружие, припрятанное в ночном столике или под подушкой. Это не входило в планы боевиков. Им было приказано расправиться с жертвой тихо, без свидетелей и полицейских сирен.

Укравкой заглянув в окно, Бабур увидел, что хозяин дома начал подниматься по крутой лестнице, расположенной посреди комнаты. Верхний свет он уже выключил, и теперь горел лишь настенный светильник, окрашивающий пространство помещения в уютный розовый цвет. Не размышляя, а подчиняясь инстинкту, Бабур стукнул по стеклу костяшками пальцев. Такой звук могла произвести упавшая ветка или ночная птица, но хозяину дома непременно захочется убедиться в этом. Когда ты один, неожиданные звуки кажутся угрожающими и подозрительными. Скрип шкафа, шорох обоев – все заставляет тебя насторожиться и проверить, не угрожает ли тебе опасность.

Расчет Бабура оправдался. Скорчившийся в кустах, он увидел силуэт лысого мужчины, прижавшегося лицом к окну изнутри. Не заметив ничего подозрительного, он отошел, на всякий случай проверил дверной замок и лишь потом вернулся к лестнице.

Вторично стучать Бабур не стал. На балконе никого не было, значит, Махмуд находился уже в доме и застать его врасплох не получится. Сумеет ли он воспользоваться своим преимуществом? Не дрогнет ли его рука, не подведут ли нервы? Ответов на эти вопросы не было. Все находилось в руках Аллаха.

Пока Бабур и Махмуд выполняли возложенную на них миссию, трое остальных членов банды находились в джабурском фуд-корте, или, проще говоря, в дешевой столовой, пропахшей специями, рыбой и кипящим маслом.

Несмотря на поздний час, в зале было шумно и многолюдно. Местные жители и туристы устремлялись к прилавку с одинаковым рвением, потому что цены тут были вполне приемлемы, а блюда готовились на любой вкус: китайские, индонезийские, индийские, японские, корейские и даже итальянские.

У выходцев из аскетичного Афганистана, не привычных к подобному изобилию, просто глаза разбегались, и слюни были готовы потечь по подбородкам.

Но командир, которого звали Али Карими, решил обойтись без излишеств. Подойдя к прилавку, он первым ставил на поднос выбранные яства, а помощник Рустам и подруга Рахима следовали его примеру. Таким образом все поочередно взяли креветочный суп, рис с тушеной курицей и сладкие пончики, которые предстояло запивать апельсиновым соком. Облюбовали столик в углу.

Повинуясь жесту Али, Рустам убрал подальше лишний стул, взял ложку и приготовился наброситься на еду, как изголодавшийся зверь, но был остановлен властным окриком:

– Не спеши, брат! Неизвестно, сколько придется ждать. По улице бродить опасно, можно нарваться на полицию. Пересидим здесь.

Рустам спорить не стал, подчинился беспрекословно. Он был единственным летчиком в группе и знал себе цену, но предпочитал с командиром не спорить, чтобы не нарваться на неприятности.

В Джабур он попал прямиком с похорон матери, состоявшихся в Кабуле. Присутствовало много родственников, мордешхами обмыли покойницу, многочисленные тетки и племянницы недостойно оплакали ее. Тело погребли на правом боку, лицом к Мекке. Могила была несколько глубже, чем соседняя, принадлежащая отцу Рустама, потому что женщина не достойна находиться на одном уровне с мужчиной даже после смерти. Потом поперек земляного холмика положили плоские камни, и печальный обряд завершился.

Нельзя сказать, что Рустам сильно горевал по матери: за последние десять лет он виделся с ней лишь однажды. Профессия летчика позволяла ему много странствовать, и он делал это с удовольствием, коллекционируя сувениры и подружек в разных точках земного шара. Если бы не излишняя суеверность, Рустама можно было бы назвать вполне современным человеком, однако, несмотря на внешний лоск, он продолжал верить во всяких шишиков, мадриахов и гулебибов, которые незримо обитают в укромных уголках, следят оттуда за людьми и стараются причинить им вред всеми доступными способами. Находясь на кладбище, Рустам опасливо зыркал по сторонам, чтобы какой-нибудь дух не застал его врасплох и не вырвал у него клочок волос для ворожбы, а во время грозы молился, целуя амулет, надетый ему на шею в раннем детстве. Амулет этот, упрятанный в кожаный чехольчик и подвешенный на шнурке, придавал Рустаму уверенности, которой ему, по правде говоря, частенько недоставало, хотя он тщательно скрывал это от окружающих.

Али Карими амулеты были ни к чему. Он не боялся ничего и никого. Не было такого случая, чтобы он поворачивался к опасности спиной или бежал с поля битвы. Недаром же победа или смерть в бою считается у афганских мужчин одинаково почетными. Для Али была неприемлема «смерть под одеялом»: он знал, что погибнет с оружием в руках, не уронив чести, не растеряв мужества. Презрение к трусости было у него в крови, и любой, столкнувшийся с ним, понимал, что имеет дело с настоящим мужчиной. Ноги при ходьбе он ставил чуть косолапо, руки постоянно сжимал в кулаки, на мир смотрел исподлобья или с оценивающим прищуром. Малоподвижное лицо, немигающий взгляд и резкие носогубные складки делали его старше, чем он был на самом деле.

До того как стать боевиком, Али занимался, если так можно выразиться, разрешением имущественных разногласий у себя в округе. Дело в том, что долговые споры афганцев решаются в соответствии с древним обычаем «бармата». В том случае, если должник по каким-то причинам отказывается вернуть долг, у него угоняют скот или же похищают кого-нибудь из близких, требуя выкуп. К услугам Али прибегали обычно одинокие старики или женщины, лишившиеся кормильцев, и он никогда не отказывался им помочь. Так было, пока он не выкрал любимую дочь одного богатого негодяя, который несколько лет не возвращал деньги обедневшему крестьянину. Дочь звали Рахима, это она сейчас сидела с Али за одним столом, отщипывая кусочки от куриного крылышка и отправляя их в рот.

Похитив эту прелестную девушку, краше и милее которой не было никого на свете, Али, не сдержавшись, взял ее силой, взял грубо и неистово. За это ему грозило как минимум отсечение носа или уха, однако по прошествии бурной ночи Рахима сказала, что не выдаст его. Оказалось, что, хоть она и сопротивлялась как разъяренная кошка, похититель понравился ей с первого взгляда и она не желала ему зла. Быть с ним рядом всегда и везде – вот чего хотело ее горячее девичье сердце.

Посоветовавшись, влюбленные решили бежать из страны, потому что здесь не было места обесчещенной девушке. Помыкавшись по свету, они осели в Пакистане, а там отважному муж-

чине всегда найдется работа. Правда, Рахима предупредила, если Али ее оставит одну, она вскроет себе вены или упадет грудью на острый нож, и, судя по ее сверкающим глазам, это не было пустой угрозой.

С тех пор они не расставались ни на один день.

Конечно, Рахима была счастлива, что повстречала свою любовь, но втайне мечтала о свадьбе, со сватовством, пиром на весь мир, подарками и муллой, который благословил бы и освятил брачный союз.

Надежды на это было мало. Рахиме даже некому было пожаловаться на судьбу, потому что, во-первых, ее чаще всего окружали суровые малознакомые мужчины, а во-вторых, афганский этикет запрещает обсуждать любовные ситуации не только с посторонними людьми, но и с близкими родственниками.

А сильнее всего угнетала бедняжку вынужденная бездетность, которая на родине всегда вызывала насмешки и презрение. Понимая, как ей тяжело живется, Али поклялся, что участие в угоне самолета станет их последним заданием. Получив баснословное вознаграждение, он и Рахима намеревались поселиться в какой-нибудь тихой стране, нарожать кучу детишек и растить их, радуясь каждому дню, прожитому вместе.

В это хотелось верить. Но почему-то не получалось.

– Что с тобой? – спросил Али у Рахимы и едва не добавил: «любовь моя», чего никак не следовало делать при посторонних.

Она взглянула на него и едва заметно пожала плечами:

– А что со мной не так?

Рустам притворился целиком увлеченным поглощением пончиков, но, разумеется, прислушивался к разговору. Выяснение отношений между возлюбленными интереснее любого сериала. Ноздри Рустама шевелились, как у собаки, уловившей манящий запах.

Неожиданно Алиму захотелось пырнуть его вилкой или прогнать из-за стола пинками, но он был настоящим мужчиной и был обязан сдерживать порывы.

– Ты плохо ешь, – сказал он, указывая взглядом на тарелку возлюбленной. – Почти все оставила.

– Не хочется. – Рахима отложила надкушенный пончик и поднесла к губам стакан с соком.

Она не пользовалась косметикой, если не считать черного карандаша и туши для того, чтобы делать свои выразительные глаза еще выразительнее, а длинные ресницы – еще длиннее. Рубашка оливкового цвета придавала ее облику что-то воинственное, а джинсы сидели на ней как влитые. Али подумал, что сегодня ночью непременно наведается к ней, пока остальные будут спать. Делить с Рахимой спальню открыто было нельзя. Это могло спровоцировать других мужчин на глупости и привести к раздору внутри банды. Али не боялся ни Рустама, ни Бабура, ни Махмуда и был уверен, что справится с любым из них или со всеми сразу, но конфликт закончился бы кровопролитием, а сейчас это было непозволительной роскошью.

– Надо есть, – строго произнес Али. – Прошу тебя. Скоро нам понадобятся силы, много сил.

– У меня сил хватит, – заверила его Рахима. – Вот терпения может не хватить – это да.

Не поднимая головы, Рустам перевел взгляд с девушки на командира и обратно.

– Я должен тебя уговаривать? – тихо спросил Али.

– Никто тебя не просит меня уговаривать, – ответила Рахима.

Рустам уставился в стакан, поднесенный к губам. Он просто диву давался. Рахима позволяла себе капризничать и перечить мужчине, а тот не реагировал. Это было не просто странно, это было что-то из ряда вон выходящее.

Али тоже чувствовал, что проявляет излишнюю уступчивость.

– Ешь, – сказал он коротко и слегка свел брови, между которыми образовалась суровая вертикальная складка.

– Я не голодна.

В принципе, Рахима не очень-то хотелось спорить, да и повод был пустячный, но, пожив некоторое время за пределами Афганистана, она незаметно изменила взгляды на многие вещи, казавшиеся ей прежде очевидными. Почему мужчины всегда и во всем правы? Почему они помыкают женщинами, как рабынями? Кто сказал, что именно это угодно Аллаху? Может быть, если бы Коран написала женщина, то и законы в нем были бы другие?

Рахима бесстрашно встретила взгляд Али, устремленный на нее. На его висках вздулись изломанные вены, ноздри увеличились в объеме, глаза сделались страшными.

– Ты не слышишь, что я тебе сказал? – тихо, очень тихо спросил он.

Рустам исподтишка посмотрел на него и поспешил уткнуться в тарелку, на которой давно ничего не было.

Рахима по-прежнему не отводила взгляд. Она понимала, что Али просто не может отступить, но она тоже не собиралась отступать. Гордость, пробудившаяся в ней, была подобна неожиданно распрямившейся пружине. Казалось, нет сил заправить эту гордость обратно, туда, где она годами сохранялась под прессом нравов и обычаев.

– Я слышала, что ты сказал, – проговорила Рахима звонким, вибрирующим от напряжения голосом. – Но ты тоже слышал: я не голодна. Я не хочу есть, понимаешь? Имею я право хотеть или не хотеть?

– Конечно, – кивнул Али. – Его глаза потускнели, как будто в них выключили огоньки подсветки. – У всех есть такое право. И я хочу, чтобы ты ушла. Это мое желание.

– Что?

Рахима подумала, что ослышалась. Возлюбленный не мог прогнать ее из-за такого пустяка, как отсутствие аппетита и плохое настроение. Смягчи Али тон, сделай хотя бы намек на просительную интонацию, и Рахиму не пришлось бы уговаривать. Но он этого не сделал. И ситуация зашла в тупик.

– Уходи, – тихо повторил Али. – Я не хочу спорить с тобой, женщина. Просто уходи.

Потрясенная Рахима встала. Она представила, как идет мимо посетителей фуд-корта, как выходит на улицу, как...

Что – как? Что дальше? Ей некуда идти, не к кому обратиться за помощью, негде взять денег на еду и ночлег. Она совсем одна в этом огромном, чужом, равнодушном городе, где никому нет дела до беженки из Афганистана. Но даже не это самое страшное. Хуже всего, что она больше никогда не увидит своего возлюбленного, не услышит его страстный шепот в ночи, не убедится вновь, каким он может быть нежным и внимательным, когда рядом никого нет. И ведь он не бросится ее догонять, не изменит своего решения, как бы больно ему ни было. В этом его сила. Сила мужчины, который не просто знает, чего хочет, но и умеет добиться своего. Что способна противопоставить этому слабая, растерянная, беспомощная женщина?

– Разреши мне остаться, – пролепетала Рахима, снова садясь и опуская дрожащие ресницы, под которыми начали собираться слезы.

Несколько секунд, показавшихся вечностью, Али смотрел на нее, не произнося ни слова. Потом разжал губы и произнес:

– Тогда ешь, женщина. Мы пока что не настолько богаты, чтобы выбрасывать деньги на ветер.

Остывший рис был как резиновый и не лез в горло, но Рахима заставила себя жевать и глотать, жевать и глотать. Курицу она тоже доела. И пончик. И влила в себя ненавистный апельсиновый сок. А потом заглянула в глаза Али и спросила:

– Теперь ты доволен?

– Нет, – ответил он, – я очень недоволен твоим сегодняшним поведением, но ты можешь остаться...

Он хотел еще что-то добавить, скорее всего, короткое слово «пока», но зазвонил телефон, и недосказанное так и осталось недосказанным.

– Приезжайте в гости, – сказал Бабур в трубку. – Хозяин не возражает.

Это означало, что хозяин виллы не только не возражает, но и не дышит.

Махмуд, слушая телефонный разговор, стоял рядом в безнадежно испачканной рубашке. Она выглядела так, словно какой-то злой шутник брызнул на нее красной краской из баллончика. Капельки крови попали даже на его лицо. Пытаясь стереть их, он лишь размазал кровь по щеке, но пока что не осознавал этого, мысленно находясь все еще там, в спальне. Пережитое волнение было слишком сильным, чтобы забыть его вот так, сразу. По-настоящему привыкнуть убивать не способен ни один нормальный человек. Махмуд не был ни садистом, ни маньяком. Он отбирал жизни, только когда этого требовали обстоятельства. Не ради удовольствия.

Забравшись на скат кровли над входом, он без труда перебрался на балкон, а оттуда проник в спальню, добрую половину которой занимала громадная кровать – призрачное светлое пятно в темноте.

«Зачем такая большая кровать мужчине, который живет один?» – спросил себя Махмуд, но удивление длилось лишь доли секунды. За этот кратчайший отрезок времени афганец успел покрыться мурашками.

Хозяин дома жил не один. Во всяком случае, спал он точно не один. Потому что одна из двух подушек была занята женской головой. В том, что голова принадлежит именно женщине, не позволяли усомниться длинные волосы, разметающиеся по подушке. В призрачном лунном свете они казались живыми, шевелящимися.

– Майкл? – сонно пробормотала незнакомка. – Что ты там делаешь?

Это было произнесено на неизвестном Махмуду языке, но он непостижимым образом понял вопрос и, застигнутый врасплох, застыл на месте, как изваяние. Было слышно, как где-то капает вода и ветер шелестит листвой снаружи. Если бы не эти звуки, происходящее можно было бы принять за сновидение.

Махмуд провел языком по пересохшим губам. Он понятия не имел, как быть дальше. Ему было велено зарезать мужчину, когда тот поднимется наверх, но ни о каких женщинах речи не шло. Что делать? Убивать? Пощадить? Отрывочные мысли мелькали в голове и пропадали, не оставляя следа. И решение не приходило. Махмуд оглянулся на распахнутую дверь балкона и снова уставился на женщину, оторвавшую голову от подушки.

До его ушей донесся скрип лестницы, и он запаниковал. Приученный беспрекословно выполнять приказы, Махмуд не умел принимать самостоятельные решения. Если бы мужчина продолжал подниматься в спальню, он, скорее всего, развернулся бы и обратился в бегство. Но шаги почему-то отдалились. Как будто хозяин что-то забыл в комнате и вынужден был вернуться.

Этот момент стал переломным. Опомившись, Махмуд прыгнул – прыгнул не так, как это сделал бы человек, привыкший сохранять вертикальное положение, а по-кошачьи, развернувшись в полете параллельно полу и вытянув руки вперед. Упав на свободную половину кровати, он вопреки законам физики не остался лежать плашмя, а вновь взмыл в воздух, хотя не было заметно, чтобы он оттолкнулся.

Женщина, на которую он приземлился всей массой, как раз собиралась завизжать, но удар заставил ее выпустить из груди набранный воздух. Она лишь охнула, тихо и обреченно, когда холодная сталь полоснула ее по горлу.

Боли не было. Женщина смотрела в глаза навалившегося на нее Махмуда, ощущала запах чеснока, исходящий из его рта, и думала, что ее собираются насиловать. Будучи профессиональной проституткой или девушкой по вызову, как она предпочитала называть себя даже

в мыслях, женщина не очень-то испугалась. Ее шее было мокро и горячо, но она решила, что это от дыхания незнакомца и слюны, капающей у него изо рта.

«Как пес», – пронеслось у нее в голове, и с этой мыслью она унеслась куда-то туда, где становилось все темнее, все холоднее и так одиноко, что лучше было бы не рождаться на свет, чтобы не познать потом это безраздельное, бесконечное одиночество.

Махмуд посмотрел в угасающие глаза жертвы, легко оторвался от нее и спрыгнул с кровати.

Это было сделано очень вовремя! Ступеньки певуче скрипели совсем рядом, свидетельствуя о том, что хозяин дома уже почти добрался до площадки второго этажа. Набросив на мертвую женщину одеяло, Махмуд метнулся на другую сторону кровати и упал навзничь, растянувшись на полу лицом вверх. Его грудь неровно вздымалась, сердце норовило выскочить из грудной клетки, ладонь вспотела так, что удерживать в ней нож было почти так же трудно, как мокрый брусок мыла.

– Эй, как тебя там? – позвал мужчина. – Ламан? Лаван? Хватит дрыхнуть, пора деньги обрабатывать.

И снова, услышав незнакомую речь, Махмуд каким-то образом понял, о чем толкует мужчина. Он с трудом сдержал нервный смешок, представив себе выражение лица этого типа, заглянувшего под одеяло. Бедняжка Ламан или Лаван никак не могла откликнуться с того света.

Зажегся свет, и Махмуд инстинктивно зажмурился, понимая, что две-три секунды – и его обнаружат. Тогда, непостижимым образом оттолкнувшись от пола спиной, затылком и пятками, он появился из своего укрытия.

Лысый мужчина, протянувший руку к накрытой с головой подружке, тупо посмотрел на него. Глаза у него были сонные, набрякшие, влажные губы блестели.

Шестое чувство подсказало Махмуду, что, если он прыгнет на противника, тот перехватит его и окажет яростное сопротивление с перекатыванием по полу и беспорядочными ударами куда попало. Чтобы не допустить этого, афганец обогнул кровать и двинулся вперед медленным шагом, выставив перед собой окровавленное лезвие. Кто-кто, а он отлично знал, как действует вид оружия и крови на слабых городских мужчин, не имеющих военного опыта.

– Нет убивать тебя, – успокаивающе приговаривал Махмуд на ломаном английском языке, одновременно приближаясь к лысому. – Тсс! – приложил он палец свободной руки к губам. – Деньги-деньги. Есть деньги-деньги?

– О, деньги! – Хозяин дома даже обрадовался, хотя радоваться было нечему. – Карточки. Много карточек, у си? Кардз... – Он несколько раз ткнул пальцем вниз. – Там, в холле. Бумажник, андерстенд?

– Ес, – сказал Махмуд и нанес три последовательных удара ножом: в печень, в живот, в левую сторону груди.

Последний выпад получился неудачным, нож попал в ребро и соскочил, оставив на теле лишь косой порез. Мужчина сделал шаг назад и впечатался спиной в стену. Его глаза и рот широко раскрылись. Опасаясь, что сейчас он заорет во всю глотку, Махмуд полоснул его по шее.

Резать аорту человеку, стоящему напротив, совсем не то, что проделывать это с лежащим. Ударившая фонтаном кровь брызнула на Махмуда, который предусмотрительно отпрянул, но не так проворно, чтобы сохранить одежду чистой.

– Сволочь! – выругался он, глядя на заляпанную рубашку. – Одни неприятности от твоего дома.

Продолжая смотреть на Махмуда выпученными глазами, хозяин съехал по стене на пол, посидел так секунду-другую и уронил голову на плечо. Казалось, он чего-то ждет, но предложить ему больше было нечего.

– Сдохнешь ты или нет? – сердито спросил Махмуд и пнул умирающего ногой. – Давай-давай. Тебе же лучше будет.

Мужчина издал хрипящий звук, поднял руку, чтобы зажать рану на горле, но тут же уронил ее и затих.

Дело было сделано. Неприятная работа, грязная, однако кто-то же должен ее выполнять. Женщины рожают, мужчины убивают, так повелось на этом свете, и не видно этому ни конца ни края.

Машинально вытирая лицо, Махмуд спустился на первый этаж, где застал Бабура разговаривающим по телефону. Было немного обидно, что он даже не подождал, пока Махмуд расскажет, как справился с работой.

– Да, – говорил Бабур в трубку. – Приезжайте. Калитка будет открыта... Не включать свет? Хорошо. Ага... Ага...

Закончив разговор, он сложил мобильник и сунул его в нагрудный карман рубахи. Его лицо ничего не выражало.

– Ты даже не спросил меня, как там было наверху, – с упреком произнес Махмуд.

– А что спрашивать? Я все слышал. А теперь вижу. – Бабур выразительно посмотрел на грудь Махмуда, забрызганную кровью.

– Не все ты слышал и не все видел, – криво усмехнулся тот.

– Ты про что?

– Пойдем, покажу.

Поманив Бабура за собой, Махмуд стал подниматься по лестнице. Ему вспомнилось, что совсем недавно по этим самым ступеням ступали ноги покойного, и он подумал о том, насколько изменчива, насколько непредсказуема судьба человека. Не зря говорят, что на все воля Аллаха. Человек сам ничего не решает. Он, например, идет к себе в спальню, чтобы забраться под одеяло к своей женщине, а она оказывается мертва, а еще несколько секунд спустя умирает и он, и уже ничего не изменить, не исправить, и человек отправляется туда, где ему воздастся за кратковременное земное существование. И если человек этот не читал при жизни правильные молитвы и не верил в правильного бога, как Махмуд или, скажем, Бабур, то ему не позавидуешь. Какое счастье, что они родились в исламской стране, где чтут Аллаха и его законы!

Войдя в спальню первым, Махмуд скромно отошел в сторону, давая товарищу возможность оценить его работу. Вокруг сидящего у стены трупа образовалась лужа такого цвета, словно здесь разлили бидон гранатового сока.

– Осторожнее, не наступи, – предупредил Махмуд.

– Вижу, не слепой, – проворчал Бабур.

– Подними одеяло.

– Кто там лежит?

– Открой – увидишь.

Бабур неохотно откинул одеяло. Осмотрев женский труп, он заметил:

– Красивая.

– Да, очень, – согласился Махмуд.

– Успела испугаться?

– Немножко.

– Жаль, что пришлось такую красавицу убить.

– Жаль, но меня сейчас не это волнует.

– А что тебя волнует?

– Интересно, откуда она здесь взялась?

– Ну, не по воздуху же прилетела.

– Это я и сам знаю, брат. Но почему она здесь, если этот лысый должен был находиться один? И кто она такая? – Махмуд взобрался на кровать с ногами, чтобы лучше видеть женское тело. – На жену не похожа. Любовница, наверное.

– Сейчас выясним.

Перегнувшись над темно-красной лужей, Бабур завладел дамской сумочкой, валявшейся на тумбочке. Извлеченные оттуда трусики он бросил в лужу. Паспорт полистал и вернул обратно, не разобравшись в незнакомых буквах, отдаленно похожих на арабские. Потом извлек из сумочки целую гору маленьких ярких упаковок и объявил:

– Она была проституткой. Никто ее не хватится.

– Почему ты так решил? – удивился Махмуд.

– Это презервативы, – пояснил Бабур, кидая один пакетик товарищу. – Замужние женщины не пользуются презервативами. Порядочные тоже. Значит, ты прикончил шлюху. Она явилась сюда по вызову.

Махмуду стало немного обидно, что он не догадался первым проверить сумку, тем более что там и деньги нашлись – пересчитав купюры, Бабур сунул их в карман.

– Так нечестно, – заявил Махмуд, чувствуя себя обманутым. – Добычу надо поровну делить.

– Нет.

– Почему это нет?

– Деньги отдадим Али, – сказал Бабур. – Он у нас главный, вот пусть и решает, что с ними делать.

– А нам разве ничего не полагается? – возмутился Махмуд, подразумевая в первую очередь себя, проделавшего основную работу.

– Можешь выбрать себе чистую рубаху. И брюки, если хочешь. Ты ведь хотел новые?

Бабур осмотрелся, нашел стенной шкаф, распахнул створки и принялся рыться внутри. Не торопясь присоединиться к нему, Махмуд сверлил его спину тяжелым взглядом и чувствовал неприязнь к напарнику, распоряжающемуся чужими деньгами как своими. А еще он думал, что надо будет незаметно пошарить по карманам одежды мертвого мужчины и поискать его бумажник. Не для того, чтобы вручить его Али. На этот счет у Махмуда имелись собственные соображения.

Глава третья

Предложение, от которого невозможно отказаться

Алиму Карани, племяннику полевого командира Халика Ардана, пришлось проделать неблизкий путь в Кабул, так как из родного Кандагара самолеты в Джабур не летали. Пяти-соткилометровое шоссе пролегало по равнине, вдали от гор. Когда-то оно считалось дорогой смерти, по обочинам которой сотнями стояли сожженные грузовики, бронетехника, бензовозы. Теперь стало спокойнее. На пассажирские автомобили не нападали, и только американцам приходилось ездить по трассе с приведенными в боевую готовность пулеметами.

День выдался нежаркий. Водитель, подрядившийся отвезти Алима, оказался русским, звали его Василием.

– Что, Васил, – спросил Алим, выяснивший, что спутник неплохо владеет афгани, – на родине плохо?

– На родине хорошо, – был ответ, – но нельзя мне туда.

– Почему?

– Рад бы в рай, да грехи не пускают. Слыхал такую поговорку?

– Нет.

– Короче, воевал я у вас... – Василий бросил изучающий взгляд на Алима, проверяя, как тот отреагирует. Не заметив выражения ненависти на его лице, продолжил: – Когда домой вернулся, там перестройка шла полным ходом.

– Гор-ба-тчефф... Гласт-ност... Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Все кувырком пошло. Голод, разруха, рэкетирь. Вот я к ним и прибилсь. К бандитам. А чего еще мне было делать? Пацаном в армию забрали, воевать научили, а другой профессии не дали.

– Понимаю, – повторил Алим, который действительно слышал подобных историй немало, правда рассказанных его соотечественниками.

– В общем, – закончил Василий, – наворотил я дома таких дел, что обратно мне никак нельзя. Вот и решил податься в Афган. А что? Язык знаю, климат мне подходит, даже связи кое-какие остались. – Оторвав одну руку от баранки, он показал на каменистую равнину, расстилающуюся справа: – Вот здесь ваши меня чуть не убили. Но я не в претензии. Время было такое.

– Здесь? – удивился Алим, вглядываясь в абсолютно пустынную местность, такую же однообразную и неприметную, как десять километров сзади... двадцать... тридцать...

– Не возражаешь, если я тормозну на минутку? – кивнув, спросил Василий.

– Но не больше. У меня самолет.

– Я мигом.

Выйдя из латаной-перелатаной «Тойоты», Василий приложил ладонь к бровям, чтобы низкое еще солнце не слепило глаза. Тогда тоже было утро. Рассвет. На дороге стояли два дымящихся «БТР-60», зеленая краска на которых успела полопаться и покрыться копотью. Возле зазубренных краев пробоев металл оплавился, башни были сорваны и валялись в придорожной канаве.

Василий и радист Паша-Мухобой лежали среди камней. Они забрали с собой ручной пулемет и три «калаша», но патронов было в обрез, а на подмогу они не рассчитывали. Дорога смерти. Многие тут погибли ни за грош. «Духи» редко пропускали колонны без боя. Минировали дорогу, обстреливали машины из гранатометов. Но теперь всего этого больше не будет. И всего этого стало вдруг невыносимо жаль.

«Я бы до старости согласился воевать, – сказал Василий, осторожно выглядывая из-за камня. – На костылях. Лишь бы живым».

«А меня пусть лучше сразу, – отозвался Мухобой, залегший к нему спиной. – Хорошо бы пулей. Нож боюсь. Долго и больно».

Его рация, как ни странно, не пострадала. «Я Пятый, я Пятый, – неслоь оттуда, – ленточка прошла Черную площадку, все в порядке, все в по... ААААА!!!»

Нечеловеческий вопль сменился треском и грохотом. Спустя секунду послышался тоскливый голос: «Головной и замыкающий подожгли, нам не развернуться. Все тут ляжем». Еще через полминуты: «Прощайте, кто слышит». И треск, и лязг, и громыхание.

А когда Василий хотел попросить Мухобоя попытаться связаться с кем-нибудь еще, тот уже не мог ни настроить рацию, ни выключить, ни даже пошевелить пальцем. Снайперская пуля вошла Мухобой в затылок, оборвав его молодую жизнь.

– Вон там мы лежали, – показал Василий, заметив, что пассажир, заскучавший в машине, присоединился к нему. – Сначала вдвоем, а потом я один. Видишь, два камня рядом, один на задранную волчью морду похож?

– Как же ты оттуда выбрался? – спросил Алим, подавив зевок.

Он ожидал услышать рассказ про героическую оборону, про ночной прорыв сквозь вражеское кольцо, но ошибся.

– Я не прорвался, – спокойно произнес Василий, – я сдался. Белого у меня ничего не было, так я тельник свой на ствол автоматный нацепил и помахал. А потом встал.

– И что? – Алим посмотрел на него с новым интересом.

– Думал, срежут. Нет, тихо. Высовывается из-за той гряды, – он показал, – душман в здоровенной зеленой чалме и рукой машет. Не к себе зовет. Прогоняет. Иди, мол, Иван, отсюда.

– Почему?

– А я знаю? Короче, выпустили меня. Потом, когда свои подобрали, я все допытывался, кто из здешних душманов большущую зеленую чалму носит. И знаешь, что выяснил?

– Что? – спросил заинтригованный Алим.

– Оказывается, ваши зимой головы одеялами обматывали, – пояснил Василий. – Они госпиталь полевой вырезали, а там одеяла байковые – зеленые, синие, красные. Вот духи их и приспособили. Странно...

– Что же тут странного? Мерзли.

– Я не про то. Странно, что меня отпустили. Раненых не пощадили, а меня пожалели. Видно, на роду мне другая смерть написана. Как думаешь?

В ответ Алим только пожал плечами, а остаток пути отмалчивался, размышляя о жизни и смерти. Те же мысли преследовали его и в аэропорту, и во время полета, когда, поднявшись над облаками, самолет взял курс на юго-восток.

В просветах между облаками виднелись бесконечные горные вершины и отроги, напоминающие каменные волны, которые хаотично набегали друг на друга, да так и застывали. В сравнении с горами города и возделанные поля занимали так мало пространства, что человечество представлялось Алимму чем-то вроде колонии муравьев, и если до полета его душу подтачивали смутные угрызения совести, то теперь они прекратились. Можно ли всерьез жалеть муравьев, обреченных на смерть? Такова их судьба. Суется, копошится, а над ними уже занесена длань Аллаха.

Алимму и в голову не приходило, что Аллах может осуждать его за убийство подвыпившей, но, в общем-то, безобидной американки. Не думал он также, что Аллаху мог бы не понравиться план, принятый руководством Талибана.

«С нами бог» – известная присказка всех фашистов, террористов и погромщиков. У нее бывают вариации, но незначительные. Это позволяет убийцам и агрессорам считать себя правыми, а своих жертв – неверными, заблуждающимися, предателями.

Алим Карани не был исключением. Предстоящий захват самолета с пассажирами не представлялся ему преступлением.

Он специально выбрал такой рейс, чтобы полететь самолетом «Боинг-737-800» и воочию увидеть, с чем ему придется иметь дело. Увиденное впечатляло. Самолет представлял собой сорокаметровую махину высотой с трехэтажный дом. В нем свободно умещалось более полутора сотен пассажиров. Развивая скорость до 850 километров в час, «Боинг» был способен пролететь 5400 километров без дозаправки. В Интернете Алим вычитал, что в топливных баках самолета закачано более 25 тысяч литров горючего. Ну, а сам он весил 63 тонны – эдакий гигантский обтекаемый снаряд, способный разнести не только небоскреб, а также дамбу или атомную электростанцию.

Сидя в комфортном кресле и поедая ветчину с зеленым горошком, Алим подумал, что в скором будущем человечеству придется отказаться от использования воздушного транспорта, потому что мулла Мохаммад Джахад и стоящие за ним талибы, похоже, изобрели способ, с помощью которого угоны самолетов могут стать массовыми. Запад не сделал правильных выводов после одиннадцатого сентября. Что ж, эти выводы будут сделаны в ближайшем будущем.

Несмотря на то что Алим прекрасно усвоил свои задачи и действия, он не мог не волноваться, когда вспоминал о своей ответственности и о том, как высоки ставки в предстоящей игре. Поэтому, уставившись в окно, пытаясь задремать или урывочно посматривая на экран с мельтешением какого-то дешевого боевича, он то и дело заставлял себя мысленно проговаривать пункты, которые нужно выполнить в первоочередном порядке.

Вступить в контакт с группой Али Карими. Встретиться с командиром лайнера Аббасом Рахманом. Завербовать его. Отрапортовать об успехах в Кандагар. Получить новые указания.

Совершенно потеряв нить сюжета фильма, Алим сомкнул веки и постарался отключить мозг, снова и снова прокручивавший одно и то же. Чтобы отвлечься, он стал визуализировать Рахиму Мангани, знакомую ему пока что только по фотографии. Однако образ восточной красавицы рассеялся, оставив перед мысленным взором Дину Митчелл. На ее шее багровели отпечатки пальцев, она тянула свои руки вперед, чтобы заключить Алима в ответные объятия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.